

тивного акта: 1) отправителем, 2) текстом и 3) получателем. Исходя из цели коммуникации, отправитель создает текст, отвечающий определенным функциональным параметрам (референтному, экспрессивному и др.) и вызывающий у получателя определенный коммуникативный эффект, соответствующий данной коммуникативной цели. Иными словами, коммуникативный эффект — это результат коммуникативного акта, соответствующий его цели. Этим результатом может быть понимание содержательной информации, восприятие эмотивных, экспрессивных, волеизъявительных и других аспектов текстов. Без соответствия между коммуникативной интенцией и коммуникативным эффектом не может быть общения. Сказанное в полной мере относится к переводу.

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ

Термины "эквивалентность" и "адекватность" издавна используются в переводоведческой литературе. Порой в них вкладывается разное содержание, а иногда они рассматриваются как синонимы. Так, в информативной статье Р. Левицкого "О принципе функциональной адекватности перевода" термин "адекватность" в ряде случаев оказывается взаимозаменяемым с термином "эквивалентность" (так, например, выдвигаемое Дж. Кэтфордом понятие переводческой эквивалентности — *translation equivalence* — трактуется в этой статье как "адекватность перевода" [Левицкий, 1984, 75]).

В то же время у других авторов понятия "эквивалентность" и "адекватность" противопоставляются друг другу, но при этом на различной основе. Так, В.Н. Комиссаров рассматривает "эквивалентный перевод" и "адекватный перевод" как понятия неидентичные, хотя и тесно соприкасающиеся друг с другом. Термин "адекватный перевод", по его мнению, имеет более широкий смысл и используется как синоним "хорошего" перевода, т.е. перевода, который обеспечивает необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях. Термин "эквивалентность", как уже отмечалось выше, понимается В.Н. Комиссаровым как смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи.

В ином ключе решают проблему соотношения эквивалентности и адекватности К. Раис и Г. Вермеер. Термин "эквивалентность", в их понимании, охватывает отношения как между отдельными знаками, так и между целыми текстами. Эквивалентность знаков еще не означает эквивалентности текстов, и, наоборот, эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентности всех их сегментов. При этом эквивалентность текстов выходит за пределы их языковых манифестаций и включает также культурную эквивалентность.

С другой стороны, адекватностью называется соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому измерению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира процесса перевода. Адекватность — это такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода (ср. "лингвистический перевод", "учебный перевод" и др.).

Термины "адекватность" и "адекватный" ориентированы на перевод как процесс, тогда как термины "эквивалентность" и "эквивалентный" имеют в виду отношение между исходным и конечным текстами, которые выполняют сходные коммуникативные функции в разных культурах. В отличие от адекватности эквивалентность ориентирована на результат. Согласно К. Раис и Г. Вермееру, эквивалентность — это особый случай адекватности (адекватность при функциональной константе исходного и конечного текстов) [Reiss, Vermeer, 1984].

Остановимся подробнее на этих определениях. Эквивалентность в формулировке В.Н. Комиссарова охватывает лишь отношения между приравниваемыми друг к другу единицами языка и речи, но не между текстами. Шире понимают эквивалентность К. Раис и Г. Вермеер, считающие, что эта категория охватывает отношения как между отдельными знаками, так и между целыми текстами, и указывающие на то, что эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентности всех их сегментов.

Как отмечалось выше, отношения между единицами языка, устанавливаемые с учетом их парадигматических связей в контексте языковой системы, являются предметом изучения не теории перевода, а контрастивной лингвистики. В переводе же эквивалентность устанавливается не между словесными знаками как таковыми, а между актуальными знаками как сегментами текста.

Показательны в этом отношении данные эксперимента, проведенного в свое время Я.И. Рецкером [Рецкер, 1974, 65—70]. В тексте предъявленном испытуемым, была следующая фраза: *The fresh air revived most of the men and the thought of beer at the nearest pub stimulated sluggish pulses. 93% испытуемых перевели thought of beer не как мысль о пиве, а как мысль о кружке пива. Разумеется, соответствие между beer и кружкой пива — это не соответствие между данными единицами в системе языка, а соответствие между сегментами текста, целиком и полностью обусловленное ситуацией.*

Вопросу о роли контекста в установлении эквивалентных отношений в процессе перевода посвящена статья Л.С. Бархударова "Контекстуальное значение слова и перевод" [Бархударов, 1984]. В ней справедливо обращается внимание на то, что отсутствие регистрации того или иного значения лексической единицы в словаре еще не свидетельствует о том, что данное значение является контекстуально обусловленным. Дело в том, что далеко не всегда можно с уверенностью определить, выступает ли та или иная лексическая единица в данном контексте в особом "несловарном" значении или же мы имеем дело просто с конкретизацией обычного словарного значения. Например, в повести Х. Ли "Убить пересмешника" встречается следующая фраза: *I don't know of any landowner around here who begrudges those children any game their father can hit — "Я не знаю у нас в округе такого землевладельца, который пожалел бы для этих детей зайца..."* Поскольку понятия "заяц" и "дичь" находятся между собой в гипо-гиперонимических отношениях, едва ли можно утверждать, что у

английского слова *game* в данном случае возникает особое, контекстуально обусловленное значение 'заяц'. Переводчики (Н. Галь и Р. Облонская) прибегают здесь к приему, известному в теории перевода как "конкретизация".

С другой стороны, в следующем примере, взятом из повести Дж. Сэлинджера "Над пропастью во ржи" (перевод Р. Райт-Ковалевой), в реплике подростка Холдена: *I'm just going through a phase right now* — действительно наблюдается семантический сдвиг. В русском тексте это предложение передается: "Это у меня переходный возраст". Из приводимых в "Большом англо-русском словаре" значений слова *phase* наиболее близкое к тому, в котором оно употребляется в данном контексте, — 'ступень развития'. Таким образом, по мнению Л. С. Бархударова, у нас есть основания утверждать, что здесь английское *phase* употреблено в контекстуальном, не зафиксированном словарями значении 'возраст'.

Обобщая интересные материалы, содержащиеся в его статье, Л. С. Бархударов приходит к выводу о том, что, функционируя в строе связного текста, языковые единицы, в том числе словарные, не просто реализуют свое системное, закрепленное в языке значение, но и приобретают под давлением контекста и внеязыковой ситуации новые значения и их оттенки. Это дает возможность участникам процесса коммуникации описывать не заранее определенные и жестко фиксированные ситуации, но все бесконечное множество возможных и воображаемых ситуаций.

И, разумеется, говоря об отношениях эквивалентности, следует не забывать важнейшего для теории перевода положения о примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов. Эта закономерность выступает наиболее рельефно в тех случаях, когда коммуникативная установка отправителя выдвигает на первый план не референтную функцию текста, а другую — скажем, металингвистическую или "поэтическую". Именно поэтому на уровне эквивалентности словесных знаков невозможен перевод каламбура. Ср. следующий пример, приводимый К. Раис и Г. Вермеером: 1) *Is life worth living? It depends upon the liver*; 2) *La vie, vaut-elle la peine? C'est une question de foi(e)*; 3) *Ist das Leben lebenswert? Das hangt von den Leberswerten ab*.

При переводе английского каламбура на французский язык не соблюдается эквивалентность на уровне слов: в английском тексте обыгрывается омонимичность *liver* 'печень' и *liver* 'живущий', а во французском — *une question de foi(e)* 1) 'вопрос веры' и 2) 'вопрос печени'. В немецком варианте используется паронимия: *lebenswert* 'достойный жизни' и *Leberswerten* 'состояние печени'.

Понятие эквивалентности неразрывно связано с понятием инварианта. Любая эквивалентность подразумевает такое отношение между текстом А и текстом В или их сегментами, при котором сохраняется определенный инвариант. Наиболее общим, существенным для всех уровней и видов эквивалентности инвариантным признаком является соответствие коммуникативной интенции первичного отправителя коммуникативному эффекту конечного текста. Этот коммуника-

тивно-функциональный инвариант охватывает различные семиотические уровни и функциональные виды эквивалентности.

В тех случаях, когда отношение коммуникативной эквивалентности распространяется на семантический и прагматический уровни (эквивалентность на синтаксическом уровне является факультативной), а также на все релевантные функции исходного и конечного текстов, мы говорим о наличии между этими текстами отношения полной эквивалентности. Иногда отношение коммуникативной эквивалентности охватывает лишь один из семиотических уровней (например, прагматический), тогда как на низших уровнях (семантических) эквивалентность полностью или частично отсутствует. В этом случае речь идет о частичной эквивалентности. Сюда же относится отсутствие некоторых (но не всех) видов функциональной эквивалентности между текстами в целом (или их сегментами). Так, например, прозаический перевод поэтического текста может быть эквивалентным оригиналу с точки зрения передачи его референтной функции, но не с точки зрения его "поэтической" (художественно-эстетической) функции.

В любом случае эквивалентность — это соотношение между первичным и вторичным текстами (или их сегментами). При этом полная эквивалентность, охватывающая как семантический, так и прагматический уровень, а также все релевантные виды функциональной эквивалентности, является идеализированным конструктом. Это не значит, что полная эквивалентность вообще не существует в действительности. Случаи полной эквивалентности вполне возможны, но наблюдаются они, как правило, в относительно несложных коммуникативных условиях в текстах со сравнительно узким диапазоном функциональных характеристик. Чем сложнее и противоречивее предъявляемые к переводу требования ("парадоксы перевода"), чем шире функциональный спектр переводимого текста, тем меньше вероятность создания текста, представляющего собой зеркальное отражение оригинала. Подобно К. Раис и Г. Вермееру, мы исходим из того, что термин "адекватность" применим к переводу в его процессуальном аспекте.

Обе категории (эквивалентность и адекватность) носят оценочно-нормативный характер. Но если эквивалентность ориентирована на результаты перевода, на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определенным параметрам оригинала, адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям.

Между понятиями "эквивалентность" и "адекватность" есть еще одно принципиальное различие. Полная эквивалентность подразумевает исчерпывающую передачу "коммуникативно-функционального инварианта" исходного текста. Иными словам, речь идет о максималь-

ном требовании, предъявляемом к переводу. Адекватность же представляет собой категорию с иным онтологическим статусом. Она опирается на реальную практику перевода, которая часто не допускает исчерпывающей передачи всего коммуникативно-функционального содержания оригинала. Адекватность исходит из того, что решение, принимаемое переводчиком, нередко носит компромиссный характер, что перевод требует жертв и что в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте (его функциональных доминант) переводчику нередко приходится идти на известные потери. Более того, в процессе вторичной коммуникации нередко, как уже отмечалось выше, модифицируется и сама цель коммуникации, что неизбежно влечет за собой известные отступления от полной эквивалентности исходного и конечного текстов.

Отсюда вытекает, что требование адекватности носит не максимальный, а оптимальный характер: перевод должен оптимально соответствовать определенным (порой не вполне совместимым друг с другом) условиям и задачам. Иными словами, перевод может быть адекватным даже тогда, когда конечный текст эквивалентен исходному лишь на одном из семиотических уровней или в одном из функциональных измерений. Более того, возможны случаи, когда некоторые фрагменты текста неэквивалентны друг другу и вместе с тем перевод в целом выполнен адекватно. Так, в популярном американском мюзикле "My Fair Lady", созданном по мотивам комедии Б. Шоу "Пигмалион", профессор Хиггинс заставляет Элизу распевать песенку: "The rains in Spain fall mainly in the plains". Цель этого фонетического упражнения — научить ее правильно произносить дифтонг /ei/, который в ее диалектном произношении (Cockney) звучит как /ai/. В русском тексте мюзикла Элиза произносит скороговорку "Карл украл у Клары коралл". Если сравнивать этот фрагмент оригинала с переводом, то их едва ли можно признать эквивалентными друг другу. Для английского получателя песенка Элизы — это упражнение, преследующее цель избавить ее от фонетических черт диалекта лондонских низов. Для русского получателя цель упражнения — научить ее четко артикулировать труднопроизносимые сочетания звуков. Таким образом, в русском переводе утрачивается важный социально-оценочный компонент текста. И вместе с тем решение переводчика в принципе может быть признано адекватным.

На наш взгляд, критерием адекватности является то, что любое отступление от эквивалентности должно быть продиктовано объективной необходимостью, а не произволом переводчика. В последнем случае речь идет о вольном переводе. В приведенном примере переводческое решение определяется невозможностью использования русской диалектной речи в переводе. Русские диалектизмы в устах Элизы произвели бы явно нелепое впечатление. Так, конфликт ситуаций (первичной и вторичной) может служить причиной выбора стратегии, нарушающей эквивалентность, но обеспечивающей адекватность перевода в целом.

К случаям адекватного перевода при отсутствии полной эквивалентности конечного текста оригиналу относятся также некоторые

прагматически мотивированные купюры и добавления (см. гл. V). Иными словами, перевод, полностью эквивалентный оригиналу, не всегда отвечает требованиям адекватности. И наоборот, выполненный адекватно перевод не всегда строится на отношении полной эквивалентности между исходным и конечным текстами.

Можно сказать, что мы исходим из изначального смысла понятий "эквивалентный" и "адекватный". Полностью эквивалентны тексты, полностью равноценные (равнозначные); частично эквивалентны тексты, частично равноценные друг другу; перевод адекватен тогда, когда переводческое решение в достаточной мере соответствует коммуникативным условиям.

Порой отступления от строгих требований полной эквивалентности оказываются связанными с такими культурными детерминантами перевода, как переводческая норма и литературная традиция. Это находит свое проявление, в частности, в переводе названий художественных произведений (романов, пьес, фильмов и др.). В этой сфере переводческой деятельности традиционно допускается вольный перевод, порой сводящийся к полному переименованию произведения с учетом специфики новой культурной среды. Так, в опубликованном в США переводе известного романа И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" название передано как "Diamonds to Sit On". Здесь, по-видимому, отступление от требований эквивалентности прагматически мотивировано стремлением сделать название более броским, более интригующим и тем самым в большой мере соответствующим литературной традиции культуры-реципиента.

Иногда мотивом переименования является стремление снять неясные читателю перевода аллюзии. Так, роман Э. Хемингуэя "The Sun Also Rises", название которого навеяно строками из "Экклезиаста" "Восходит солнце и заходит солнце и спешит к месту своему, где оно восходит", появился в раннем русском переводе (так же как и в английском издании) под названием "Фиеста". В других случаях причиной служит невозможность найти достаточно выразительный фразеологический эквивалент вынесенной в название оригинала фразеологической единицы. Так, название английского фильма "Square Peg" (сокращенный вариант фразеологической единицы "A square peg in a round hole" 'Человек не на своем месте') было переведено на русский язык как "Мистер Питкин в тылу врага".

Следует отметить, что адекватный перевод с частичной эквивалентностью представляет собой довольно частое явление в художественной литературе, в особенности в поэзии, где он порой создает собственную традицию интерпретации иноязычного автора. Так, по словам В. Россельса, "рождение русского Бернса в переводах Маршака перевернуло все наши представления о великом шотландце. Возможно, появившийся в России благодаря переводам Маршака Берне и отличается от подлинного (да это и не может быть иначе — ведь передал нам его все-таки Маршак!), но он, бесспорно, живет в нашем представлении совершенно самостоятельно и, прежде всего, отличается от русского поэта Маршака. Это разные литературные явления" [Россельс, 1967, 25].

Эволюция литературных традиций и связанное с ней изменение переводческих норм оказывает существенное воздействие на представления об адекватности перевода. Именно этим в значительной мере объясняется необходимость в создании новых переводов классических произведений, старые переводы которых в течение длительного времени считались непревзойденными.

И.А. Кашкин сравнивает два различных перевода одних и тех же строк из байроновского "Чайльд Гарольда":

Roll on, thou deep and dark blue ocean, roll!
Ten thousand fleets sweep over thee in vain;
Man marks the earth with ruin, — his control
Stops with the shore.

(1) Клубись, клубись, лазурный океан!
Что для тебя пробег любого флота?
Путь от руин от века людям дан,
Но на земле, а ты не знаешь гнета.

(2) Стремите волны, свой могучий бег!
В простор лазурный тщетно шлет армады
Земли опустошитель — человек,
На суше он не ведает преграды.

Первый перевод принадлежит перу Г. Шенгели, сторонника формальной точности, который, по словам И.А. Кашкина, "удовольствовался в данном случае тем, что сохранил рисунок строфы, число и расположение рифм, не замечая, что все важнейшее, чем богат оригинал, принесено им в жертву этой рифме: и смысл, и ритм, и весь склад стиха". Сторонник количественной полноты деталей, он сохранил ряд слов подлинника, не замечая, что получается лишь их нагромождение. Так, сохранено слово *флот*, но почему-то неуместно связано с модернизированным *пробегом*. Есть буквально переведенные *руины*, но, от каких руин *путь от века людям дан*, остается непонятным. Резюмируя сказанное, И.А. Кашкин приходит к выводу, что "это не просто неудачный, но и натуралистический по своей установке перевод" [Кашкин, 1977, 436—437].

Оценивая второй период, выполненный В. Левиком, И.А. Кашкин подчеркивает, что переводчик в данном случае применил реалистический метод к переводу романтического текста: романтическая тема моря дана В. Левиком с реалистической четкостью. «Это не просто удачный перевод, — пишет И.А. Кашкин, — но перевод прежде всего реалистический по своей установке. На этом примере видно, как по-разному может подходить переводчик к тексту (в данном случае романтическому) — и с позиций реалиста и с позиций натуралиста, видно, как оставаясь тем, что мы обозначаем термином „перевод“, меняется тот же текст в зависимости от метода и подхода переводчика» [там же, 438].

Еще более заметные модификации в соотношении исходного и конечного текстов вносятся в тех случаях, когда переводчик ставит перед собой конкретную цель, связанную со специфическим назначением перевода и с особым характером читательской аудитории (см., например, упомянутый выше "филологический перевод" "Отелло", принадлежащий перу М.М. Морозова).

Любые подобные модификации не могут не отражаться на эквивалентных отношениях между исходным и конечным текстами. Ведь понятие эквивалентности всегда связано с воспроизведением коммуникативного эффекта исходного текста, который детерминируется первичной коммуникативной ситуацией и ее компонентами (коммуникативной установкой первичного отправителя, установкой на первичную аудиторию). Что же касается понятия адекватности, то оно, как отмечалось выше, ориентировано на соответствие перевода, в частности, тем модифицирующим его результат факторам, которые привносит вторичная коммуникативная ситуация (установка на другого адресата, на другую культуру, в частности на иную норму перевода и литературную традицию, специфическая коммуникативная цель перевода и др.). Отсюда следует, что адекватность — относительное понятие. Перевод, адекватный с позиций одной переводческой школы, может быть неадекватным с позиций другой.

Подводя итоги сказанному выше о соотношении категорий "эквивалентность" и "адекватность", попытаемся резюмировать сказанное в табл. 2.

Таблиц» 2

Категория	Характер категорий	Объект категорий	Содержание категорий
Эквивалентность Адекватность	Нормативно-оценочный	Перевод как результат Перевод как процесс	Соотношение текстов Соответствие коммуникативной ситуации

ПЕРЕВОДИМОСТЬ

Понятия "переводимость" и "непереводимость" трактуются в литературе по-разному. Иногда речь идет о принципиальной возможности перевода с одного языка на другой. В других случаях имеется в виду возможность нахождения эквивалента языковой единицы исходного языка в языке перевода. И то, и другое понимание переводимости в конечном счете обуславливается трактовкой таких ключевых понятий переводоведения, как "эквивалентность", "адекватность", "сущность перевода" и др. Как будет показано ниже, многое в решении проблемы переводимости зависит от того, как трактуется соотношение языковых и внеязыковых аспектов перевода, какие требования предъявляются к переводу и какие нормативные критерии используются при его оценке.

Вопрос о возможности перевода является в своей основе вопросом философским, методологическим, в значительной мере производным от трактовки проблемы соотношения языка и мышления.

Известна резко отрицательная позиция по вопросу о переводимости В. фон Гумбольдта, который в письме А. Шлегелю от 23 июля 1796 г. утверждал: "Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый перевод-